

Я. В. Свердлюк

МАРТИН ХАЙДЕГГЕР: САМООПРЕДЕЛЕНИЕ ЛИЧНОСТИ - САМООПРЕДЕЛЕНИЕ ОБЩЕСТВА

Тема самоопределения посткоммунистического общества, т. е. общества, в котором мы сейчас живем — является одной из самых актуальных в России. Со времен “перестройки” мы были свидетелями воодушевления демократией, реакции левых сил, переживаемого в данное время усиления национально-государственных устремлений. При всех этих изменениях идеологического и политического климата постоянной остается проблема кризиса идентификации – отсутствия четкого представления о тех нормах и принципах, на которые может ориентироваться общество в своем повседневном существовании.

Можно говорить об общественном самосознании СССР (тогда речь надо вести об официальной идеологии и так называемом диссидентском самосознании), выделить общее понятие “идеологии Запада” как совокупности норм и законов, по которым функционирует общество устоявшейся рыночной экономики. Но сформулировать те принципы и установки, которыми руководствуется российское (и ряд других) общество с “переходным” типом экономических, правовых и политических отношений, чрезвычайно сложно.

Несомненно, злободневность вопроса о самоопределении делает необходимыми общие размышления о “судьбе России”. Но, в то же время, именно особая острота проблемы самоидентификации обрекает любые философские предписания о том, как следует жить и функционировать обществу, на провал. Общество само, в своем повседневном опыте, переживает отсутствие четкого самоопределения, порядка, обеспеченности, доверия – всего того, что характеризует жизнь при уже сложившейся системе норм и установок.

Естественно, что реакция на “пограничную ситуацию”, прежде всего, – не идеологическая, но конкретно-прагматическая. На всех уровнях фактически идет борьба за влияние и власть, передел собственности, а нередко и просто борьба за выживание. Современный этап кризиса общественного самоопределения является прагматически-властным (и это, наверное, закономерная стадия развития в условиях “перелома”).

В такой ситуации с неподдельной прямотой звучит вопрос, сформулированный в свое время Гёльдерлин: “Зачем поэты в смутное время?” – который впоследствии стал восприниматься как вопрос о роли интеллектуала в переломные моменты истории вообще. Зачем философ “в смутное время”?

Для чего сейчас то самое “отражение действительности на

Этическое измерение

наиболее общем уровне”, когда так много проблем чисто практического характера, далеких от “прекрасных движений души”?

Как и любой профессионал, рассчитывающий на успех, интеллектual всегда – “в погоне за временем”. При этом отличительной особенностью философа является то, что он пытается правильно понять, проанализировать и прогнозировать настроения и стремления общества. Правы те, кто говорит, что философу сродни властное состояние духа политика: делом своей чести он считает также и влияние на сам ход развития общества. Но как ему это удастся, не участвуя в политических кампаниях и не устанавливая валютный курс на бирже? Не является ли идея о влиянии философа, или интеллигента, на реальное развитие общества мифом?

Подобный вопрос мне случилось невольно задать своему немецкому коллеге, после долгого разговора о том, как в Германии происходит политическое лоббирование. Прослушав его рассказ о том, как реально принимаются политические решения, вырвалось: “И к чему все эти философские изыски, если в действительности все не так?!” Ответ последовал моментально: “Нет, так”. Это краткое “Нет, так”, сказанное в частном разговоре “обычным” немцем, подействовало сильнее, чем услышанное с профессорской кафедры за все время “научной стажировки”.

В германоведческой литературе часто говорится об особом политическом сознании, чувстве ответственности, выработанном у немецкой нации в результате пережитого чудовищного опыта фашизма. Нередко приводится аргумент, что поражение во Второй мировой войне, как это ни парадоксально, на некоей отрицательной основе консолидировало нацию (показав, чего не надо делать). Позволило стать обществу чувствительным к любым проявлениям тоталитарной идеологии. Факт неутраченных обсуждений Второй мировой войны в немецких средствах массовой информации показывает, что политическое сознание, порожденное пережитым опытом фашизма, действует и по сей день.

Вопрос о том, как в современном сознании образованного немца определяется связь философии с реальной жизнью, можно пока оставить открытым. Для прояснения нашей сегодняшней ситуации гораздо плодотворнее обратиться как раз к пред- и послевоенному опыту Германии, времени кризиса самоопределения. Как видели немецкие философы путь выхода из кризиса? Какая роль возлагалась в этой ситуации на философию? Попробуем увидеть, как это виделось немецкому философу Мартину Хайдеггеру (1889–1976).

Хайдеггер – фигура, с одной стороны одиозная, с другой стороны – существенно определившая современную западную философию. Одиозность его определяется, как известно, фактом участия в 1933 году в фашистской пропаганде перед выборами в Бундестаг. Агитация ректора университета голосовать за фюрера была в то же время единичным случаем его общественной активности и не могла помешать огромному влиянию, которое Хайдеггер оказал на большинство современных философов. (Немцы Гадамер, Апель, Хабермас, фран-

цузы Деррида, Лиотар, Левинас – все прошли “школу Хайдеггера”). Хайдеггер впервые после многих лет засиля в Германии теоретической философии придал этой науке практический смысл, в чем, несомненно, заключается большая заслуга философа.

Жизнь Хайдеггера пришлось на две мировые войны. Уже перед первой войной страна встала перед проблемой поиска новых мировоззренческих ориентиров. Как отмечает в монографии *Антидемократическое мышление в Веймарской республике* (1962) Курт Зонтхаймер, перед Первой мировой войной Германия находилась в состоянии социальной и общекультурной нестабильности, кризиса самоопределения, который с окончанием войны только усугубился.

Анализируя философские устремления и модные интеллектуальные течения того времени, Зонтхаймер прослеживает общую тенденцию: философия становится “философией жизни”; теряет свою силу всякий интеллектуализм и рационализм. На первый план выходят такие понятия, как переживание, интуиция, жизнь. Исходя из факта отречения философов от рационалистических, строгих понятий, Зонтхаймер ставит интеллектуалам того времени упрек в том, что они способствовали злополучному вовлечению нации в фашистскую идеологию. Дескать, народ и интеллектуалы руководствовались лишь непосредственной волей, забыв об ограничениях разума и морали.

Было бы слишком просто принять всерьез этот предельно общий аргумент. Во-первых, Зонтхаймер имеет в виду лишь так называемую вульгарную “философию жизни”, во-вторых, им не учитывается все многообразие существовавших тогда течений (куда входила не только философия жизни, но и, например, противоположная ей по своим устремлениям феноменология). Но, обращаясь к практической философии раннего Хайдеггера, стоит все-таки спросить себя не содержится ли в обобщении Зонтхаймера какая-то доля истины.

Как видно из записей философа, Хайдеггер, как и большинство интеллектуалов того времени, чутко реагирует на ситуацию материального и духовного кризиса в Германии и ощущает свою ответственность за его преодоление¹. Для этого ищутся некие новые средства выражения, новый способ мышления и построения понятий, который, с одной стороны, отвечал бы духу времени, а с другой — форсировал наступление некой новой вехи развития.

Будучи озабоченным состоянием общества, философ обращается прежде всего к личности. В этом еще со времен Просвещения состоит главный “метод влияния” философии. Философ стремится определить те характеристики сознания, которые выразили бы уникальность и неповторимость мироощущения своего современника. Тогда как литература рисует собирательный образ “героя нашего времени”, философия составляет некий образ этого образа, анализируя основные движущие силы мышления и поступков своего “героя”. Решающим оказывается то, как каждый мыслитель трактует внутренний опыт личности, на что делает “основную ставку” при описании сознания.

В то время как Э. Гуссерль, стремящийся с помощью феноменологической программы найти путь выхода из общественного кризиса, апеллирует к особому духовному миру человека, не доступному при “естественной установке”, и разрабатывает целую теорию “феноменологического эпоха” (воздержания от непосредственных высказываний о мире, подобного религиозному обращению), Хайдеггер делает основной упор именно на повседневном, практическом опыте личности, отказываясь говорить о “внутренней” “духовности”. Внутреннее содержание личности определяет сам мир. Человек изначально принадлежит “миру”, его “я” – это не находящееся “внутри” сознание, но понимание, которое проявляется в практике, действии.

Понятия, которые затрагивает Хайдеггер, граничат с определениями психологии. Философ стремится отойти от термина “сознание”, который так долго муссировался в немецкой идеалистической философии Фихте и Шеллинга, и говорит о понимании, настроении, заботе, “обеспечении”, “попечении”, самоопределении. Все эти понятия: от “обеспечения” до самоопределения (Хайдеггер называет этот феномен “собственным пониманием”) – указывают на близкие и знакомые вещи, которые повсечасно определяют состояние современного человека. Различные настроения, постоянная забота о чем-то или о ком-то, потребность обеспечить, снабдить, обустроить – характеризуют внутреннее “я” в гораздо большей степени, чем какое бы то ни было “сознание”. При этом главным понятием выступает самоопределение. Ведь именно от него, или от степени реализации своих целей и желаний, во многом зависят все частные проявления мира личности и его общее состояние.

Открыть комплекс практических понятий и поставить его во главу угла при характеристике человека позволяет Хайдеггеру основная интуиция о существовании особого человеческого времени, не соотносимого с внешним делением на часы, месяцы, времена года и т. д. “Психическое” время подчиняется собственным правилам и законам. Почувствовать “биение” этого внутреннего времени легко, находясь в ситуации принятия и исполнения решения, в которой все подчинено только воле, направленной на осуществление действия. При этом события, непосредственно не относящиеся к ситуации действия, отходят на второй план. В своем философском исследовании *Бытие и время* (1927) Хайдеггеру удалось по-новому взглянуть на само бытие. Философ заявляет, что бытие нужно понимать как человеческое существование в его особой временности.

Временность существования – в значении особой человеческой динамичности, а не в значении преходящести – определяет как личную, так и общественную жизнь. Некой совокупной волей общества – тем, что называют “духом времени” – определяются различные циклы истории, общественные стадии развития. Есть некая внутренняя направленность общественного сознания, которая является самодостаточной и не зависит ни от какого “природного времени”.

Если цель философии в выражении на всеобщем уровне мировосприятия каждого отдельного индивида (философия есть “интерсубъ-

ективный дискурс, основанный на непротиворечивости”), то, можно сказать, что Хайдеггеру с его особым понятием “времени” удалось аккумулировать всю мощь этого “всеобщего”. Эпоха творчества философа была всеобщим чаянием новых начинаний, готовностью пойти на зов воли, подчиниться некоей духовной динамичности во имя свершения чего-то нового. Внутренне “время” человеческого существования, исходящее прежде всего не из традиционной античной способности “мыслить” (от которой никому ни холодно, ни горячо), но из способности принимать решения, целенаправленно действовать и выбирать, – вот стартовая площадка Хайдеггера, та “ниточка”, с помощью которой он может провести дорогу к сердцу каждого.

Основные понятия, с помощью которых в *Бытии и времени* и в ряде лекций, прочитанных в 1919–1929 гг., Хайдеггер развивает идею временности бытия, это – “открытость”, мир, возможность, “проект”, цель. Все эти понятия служат ведущей идее Хайдеггера о самоопределении. Чрезвычайно популярной оказалась идея “поиска себя”, прорыва к “подлинному существованию” из “заброшенности” и “обыденности” бытия.

Как уже отмечалось, Хайдеггер полностью отказывается рассматривать внутренний мир человека как нечто замкнутое и самодовлеющее. Со времен немецкого идеализма была распространена точка зрения, что собственное “я” – это сфера, из которой индивиду, чтобы коммуницировать с внешним миром, нужно выйти вовне, каким-то образом преодолеть барьер: “внутреннее-внешнее”. Такой взгляд философ считает просто заблуждением, ошибкой. Человек всегда, “изначально” находится в мире, “открыт” миру – и в смысле окружающей среды, и в смысле социальных отношений и связей. От мира никуда не деться; даже “отказ от мира” есть одна из своеобразных реакций на мир.

“Бытие-в-мире” – основная характеристика человека, “существенный способ бытия”. Мир определяет все основные характеристики нашего существования, такие как обеспечение, попечение, “затянутость” в “рутину обыденности”. При этом отношение к миру является прежде всего практическим. “Бытие-в-мире” есть не просто “оцепенелое глазение на голую наличность”, говорит Хайдеггер, но забота, которая “захвачена” озаботившим человека миром. Всякое познание и понимание мира есть практический акт, вовлеченность в ситуацию действия.

Идея практического отношения к действительности как основной характеристики человека сразу после выхода *Бытия и времени* возымела взрывное действие и сохраняла свою новаторскую силу на протяжении многих последующих десятилетий. Как вспоминает немецкий философ Эрнст Тугендхат, почти полжизни посвятивший изучению и критике творчества М. Хайдеггера, мысли о природе человеческого существования, высказанные Хайдеггером, были как глоток свежего воздуха на фоне устаревшей метафизической традиции. Несомненно, увлечение Хайдеггером пережило и нынешнее молодое поколение в России, которое на фоне бытовавших в пре-

подавательском процессе марксистско–ленинских схем, узнало западную философию.

Выбив уютную, но мало обещающую почву собственного “я” из-под ног, Хайдеггер открыл для философии новое измерение: в ее распоряжении оказались история, гуманитарные науки, политика, которые по–своему фиксируют основные вехи течения временного человеческого существования. В обладание философии был представлен мир.

Хайдеггер не оставил, таким образом, никакой возможности “бегства от действительности”. В его мышлении сказалось стремление философии, идущее еще от Гегеля с его ненавистью к схоластической “субстанциальной” метафизике, придать этой науке практическое измерение, разрушить костную субстанцию, сделав человека открытым постоянно изменяющейся жизни. Эта тенденция не могла не быть поддержанной в современных формах философии: деконструктивизме, современной философии коммуникации и общества, которые доводят идею “мировости” и изменчивости сознания до предела. Заявляют о плюрализме, разрушении выстроенного европейской метафизикой логоцентрического единства (Деррида), обращаются скорее не к “я”, но к “другому” (Левинас).

Человек определяется Хайдеггером как тот, кто в отличие от других существ способен вступать в отношение к собственному существованию, так или иначе его определять. Уже из самой этой идеи видно первостепенное значение активной стороны этой способности. Хотя Хайдеггер и считает пассивную сторону должноствания основополагающей: человеку необходимо как–то относиться к своему существованию, хочет он того или не хочет. Личность должна решать, планировать, выбирать, как ей быть. Даже выбор пассивности также будет неким выбором, то есть будет осознанным и потребует некоего действия. Хайдеггер доводит до предела сознание воплощенности, реальности личностной воли и устремлений. Более того, он ставит с ног на голову само понятие реальности, или действительности, утверждая, что только то, что ты решил, выбрал и осуществил, и есть реальность. В этом смысле внутренние возможности личности, или общества в целом, оказываются большей реальностью, чем сама “голая” действительность.

Самоопределение основано на понимании. “Понимать” означает, в свою очередь, не осмысливать какие–то происходящие во внешнем мире процессы, но постигать, как и для чего возможно предстоящее существование. “Понимающе существовать” означает жить на грани вопроса: “Быть или не быть?” или “*Как* быть?” При этом, следуя логике идеи о принадлежности сознания миру, забота о личном существовании подразумевает не солипсизм, но неразрывное единство личного и общественного. Исходя из существования в мире, из целостности временной жизни, понимание оказывается волевым актом, связанным с практическими категориями цели, выбора и решения и направленным на подтверждение и поддержание возможности собственного существования.

Феномен свободы выбора собственного существования определяется у Хайдеггера понятием “экзистенциальной возможности”. Возможность “быть” так, как ты этого хочешь, стоит у Хайдеггера превыше всего. При этом, конечно, имеется в виду не просто возможность, например, поехать на Багамские острова, но фундаментальная возможность самореализации, возможность состояться согласно своим стремлениям и желаниям. В этом смысле философы часто приводят пример: исходя из моих воззрений и моей свободы, я стою на этой кафедре. Настоящую событийность и динамику в этот процесс привносит та же временность. Выбирать, “стоять на кафедре” или нет, приходится постоянно.

Существуя в диапазоне возможностей, личность “проецирует”, так или иначе планирует предстоящую жизнь. Именно в этом, а не в абстрактном “мышлении”, заключается ее основная сущность. Одной из ведущих категорий планирования собственного существования становится цель, которая является неким определяющим горизонтом динамичного существования. Так же, как и для Аристотеля, для Хайдеггера последней целью всей деятельности человека является сохранение собственного бытия. При этом, так как человек относится к своей жизни разумно, речь идет не просто о сохранении жизни, но о качестве жизни, или о благе.

Таким образом, под пониманием Хайдеггер имеет в виду не только практический выбор в диапазоне возможностей. Говоря о понимании, он также затрагивает вопрос о смысле жизни. “Понимать” означает знать, что есть для меня наилучшее и какова моя цель жизни. Этот смысл понимания можно оценить как первостепенный, так как выбор в конкретных ситуациях нередко ориентируется на это основополагающее понимание. Жизненный “проект” связан с неким смыслом, неким “ради-чего”.

Хайдеггеровское понятие цели вплотную подводит к проблеме самоопределения. Самоопределение выражается в *Бытии и времени* особым термином “собственное понимание”, или “собственное существование”, и связано с истинностью самоопределения. Вообще понимание у Хайдеггера можно рассмотреть как совокупность трех уровней. Понимание первого уровня – это просто “know how”, осмотнительное исполнение действия. При понимании во втором смысле речь идет не только о смысле отдельного действия, но о смысле всей жизни как совокупности практических ситуаций. Это понимание предполагает принятие индивидуумом той или иной социальной роли: я понимаю себя, например, в качестве автомеханика, отца семейства и т. д. Этот аспект понимания уже подразумевает понимание себя (классическая философская проблема самосознания), но это понимание еще не является знанием.

Хайдеггер считает, что личность может принять на себя некую социальную роль, не достигнув подлинного понимания себя. Понимание смысла может быть “собственным” или “несобственным”. Наряду с вышеописанными ступенями понимания самоопределение, или “собственное понимание”, нацелено на поиск истинной социальной роли.

Откуда происходит данное понятие истинности самоопределения? С одной стороны, оно основано на простом и понятном феномене самореализации, общественного востребования особых умений и талантов личности, что стало сейчас особенно популярным на Западе.

С другой стороны, “собственное понимание” исходит у Хайдеггера из уникальной концепции “людей” – общего “экзистенциального” понятия некой безличной силы, довлеющей над каждой личностью и определяющей все ее шаги. Основные характеристики “людей” – погруженность в обыденность (Хайдеггер называет это характерным термином “падение”), толки, любопытство, двусмысленность – все то, что определяет общественное мнение и мир в непосредственной данности. “Люди” и есть исходная характеристика человека. Если стремиться выразить человеческую сущность в одном определении, то этим определением будет не “душа”, не “субъект” и не “я” как некое внутреннее ядро личности, но “люди”, “повседневность”, “обыденность” существования. “Возможно, что *кто* повседневного присутствия – это как раз не всегда я сам”, но “люди”, – говорит философ.

Так как человек существует главным образом в “модусе несобственности”, отчужденности, понимание своего существования направляется на поиск идентичности или “собственной” социальной роли личности “в мире”. Поскольку человеческое “присутствие” есть всегда своя возможность, – пишет Хайдеггер, – это сущее (человек) может в своем бытии “выбрать” самого себя, найти себя или потерять, соответственно, никогда и лишь мнимо найти. “Люди” всегда отнимают у личности “овладение бытийными возможностями”. “Люди” даже “утаивают совершенное ими молчаливое избавление от отчетливого выбора этих возможностей”.

Поскольку человеческая “способность быть” определена свободой, человек может относиться к своим возможностям также безвольно, его существование может быть “несобственным” и обычно всегда таким и является, считает Хайдеггер. При этом собственная цель существования остается непонятой, проект предоставляется в распоряжение “людей”.

В чем состоит “собственная” цель существования? Основным смыслом рассуждения о “собственном понимании” заключается в том, что оно представляет собой жизнь в виде выбора. Существовать “собственно” означает постоянно осознавать и “наполнять” свою экзистенциальную свободу, то есть свободу существовать согласно своим устремлениям и желаниям. Не уклоняться от ситуации радикальной возможности, но решиться на жизнь на грани свободы. Как сказал один известный исследователь Хайдеггера, “собственное существование” есть “выбор выбора”. Так как человек существует в диапазоне возможностей, у него есть возможность войти в этот диапазон или скрыть его от себя, самостоятельно спрашивать и выбирать или уклониться от вопросов.

Хайдеггер подчеркивает временной аспект ситуации выбора. “Выбор выбора”, выбор “собственного существования” происходит непрерывно в течение всей жизни. Именно поэтому ситуацию вы-

бора и решения возможно определить как способ существования.

Наиболее точно феномен “собственного существования” выражает термин “решимость”. “Решиться”, по Хайдеггеру, означает позвать призвать себя из потерянности в “людях”, прорваться из своей изначальной погруженности в повседневность к собственному “я”.

Идеи особой человеческой временности, экзистенциальной возможности, обыденности и отчуждения как основных характеристик человека, революционный взгляд на проблему самосознания вообще — приводят Хайдеггера к вышеописанной концепции “собственного существования”. Очевидно, что эта концепция явилась своеобразной квинтэссенцией всего философского учения раннего Хайдеггера. В идее самоопределения личности в мире путем преодоления своей погруженности в обыденность, поиске собственного “я”, истинно принадлежащей личности социальной роли – нашла свое продолжение и завершение основополагающая интуиция молодого философа о практически-экзистенциальной сущности человека. Самоопределение подразумевает жизнь как выбор и открытость для принятия решений, связанных с личной свободой. Хайдеггер по-своему трактует понятие свободы и свободной воли.

Как эти по сути “просветляющие” идеи смогли подвести философа к поддержке фашизма? Или, может быть, они не имеют ничего общего с “выпадом” 1933 года?

В своей ректорской речи перед народным референдумом Хайдеггер говорит: “Немецкий народ призван фюрером к выбору. Но фюрер ничего не просит у народа, напротив, он предоставляет ему непосредственную возможность высшего свободного решения того, хочет ли народ своего собственного существования или нет. Народ выбирает завтра не меньше, чем свое будущее”. Хайдеггер продолжает: “Что это за событие? Народ возвращает себе истину своей воли к существованию, ибо истина есть проявление того, что народ уверенно, просветленно и сильно свершает своими действиями и знаниями”.

Как очевидно из этих цитат, в пропаганде фюрера Хайдеггер использует понятия, выработанные его философией: существование, выбор, возможности, свобода, самоопределение. Только на место силы, открывающей каждой личности и народу в целом свободу и “экзистенциальную” возможность, становится фюрер. Как возможно такое заблуждение или убеждение великого философа? На чем могла основываться уверенность в своей правоте при произнесении слов в поддержку Гитлера? Возможно, где-то его система дает сбой?

Одним из первых критику в адрес Хайдеггера и мнение, что хайдеггеровский фашизм был закономерным продолжением его философских идей, выдвинул уже упоминавшийся Эрнст Тугендхат. В то время как в настоящее время критиковать Хайдеггера стало обычным делом, особенно в англоязычной литературе, Тугендхат был практически одним из первых философов, заметивших серьезную опасность хайдеггеровской концепции самоопределения. Опасность кроется в понятии истины, лежащем в основе концепции самоопределения философа.

“Решимость” выйти из погруженности в безличность “людей” к “собственному” пониманию своей роли в “мире” определяется Хайдеггером как сама истина. Истинной является некая непосредственная воля, не предполагающая размышления, но лишь – чистую “решимость” и следование “зову бытия”. Призывая к практической воплощенности воли, подчеркивая ее неразрывность с “миром”, Хайдеггер в то же время полностью игнорирует такую сторону принятия решений, как размышление, разумное взвешивание.

Философ трактует свободную волю, высшее проявление человечности, источник личностных возможностей как спонтанную, иррациональную способность. В своих поздних произведениях Хайдеггер стремится убедить читателя, что следовать “зову бытия”, который непосредственно и сокровенно обращается к человеку, и есть его последнее назначение. В то же время, философ упускает из виду один важный момент. “Я хочу” – предложение свободного волеизъявления — всегда стоит в контексте размышления. Что предпочесть, что является для меня наилучшим – эти вопросы предполагают рефлексию. Именно для *размышляющего* является существенным отличать то, что задано в ситуации действия, делает действие возможным *для него*, от того, что зависит *от него*.

Находящийся в ситуации выбора одновременно оказывается в ситуации размышления. Ни о какой свободной воле нельзя было бы говорить, если бы выбор совершался непосредственно. Аргументы Тугендхата направлены против хайдеггеровской интерпретации практического понимания, которое проявляется в ситуации выбора как некой спонтанной способности, не имеющей связи с разумом. Всякое самоопределение предполагает вопрос: что является для моего существования благом, а что нет? Как определить цель в каждой конкретной ситуации?

Хайдеггер лишь косвенно ответил на этот вопрос, устанавливая наиболее общую связь между пониманием и миром. Однако философ оставляет без внимания вопрос о критерии определения истинности цели в каждой конкретной ситуации. Кроме того, понятие мира, несмотря на то что оно, несомненно, явилось новым прорывом в философских размышлениях о природе познающего субъекта, никогда не конкретизировалось Хайдеггером и никогда четко не определялось как общественный мир, обладающий своими особыми моральными законами.

“Решимость”, “собственное существование” нельзя считать самой истиной, но скорее лишь направленностью на истину в смысле практического вопроса об истинно благом. В понимании, считает Хайдеггер, нам открывается мир и собственные возможности, “решиться” означает отважиться принять ситуацию выбора. Но здесь встает Вопрос: на что должен быть направлен выбор, что есть в каждом конкретном случае благо?

Практический вопрос о благе включает два момента: во-первых, момент самопознания, познания собственных намерений и мотиваций. Во-вторых, это проблема обоснованности намерений и целей. Крите-

рием обоснованности целей и намерений может выступать прежде всего чувство долга перед другими, а также собственное благо. Эти объективные размышления, как отмечает Тугендхат, формируют основу не производного от них решения кем или как я хочу быть.

“Решимость” оказывается недостаточной в определении истинности существования и самоопределения, так как всякое существование должно каким-то образом встать на верный путь, будь эта верность связана с всеобщим мнением или с тем, что “я сам” считаю верным. Существовать “собственно” означало бы, следовательно: во-первых, “выбор выбора”; во-вторых, попытку осуществить свой выбор наилучшим образом, выбор для себя наилучшего. Хайдеггеровское понятие “решимости” односторонне подчеркивает аспект совершения выбора, но решение есть лишь цель, на которую направлено размышление.

Последний вопрос, на котором может основываться всякий выбор, это – “Как я хочу существовать?”, “Кем я хочу быть?”. Для того, чтобы существование было “собственным”, ответ на эти вопросы личность должна найти сама. Но вместе с этим перед нами встает и другой вопрос: “Что есть всеобщее благо?” Слова “хороший”, “благой”, “наилучший” выражают, в отличие от “приятный”, некое объективное предпочтение и требуют обоснования. Размышление имеет целью объективно обоснованный выбор.

Понятие воли имеет две стороны: сторону непосредственного “наивысшего” воления и сторону разума, или обоснования. Существует некий наивысший пункт размышления, при котором невозможно объективно обосновать решение, когда мнение о том, что есть наилучшее, исходит из самой воли. Если бы это было не так, если бы воля в последней инстанции могла бы основываться на доводах, она потеряла бы свою силу и значимость. И это означает, что выбор не был бы “моим” выбором. Именно к этой воле апеллирует Хайдеггер в своей концепции самоопределения.

В то же время, существует сторона разумного взвешивания, сопровождающая и формирующая всякий выбор. Заметим, что именно в этом, а не в героической самоотверженности во имя..., было отказано советскому человеку. Личность при тоталитарном режиме не имеет права как раз на собственный разум, собственный практический рассудок, самостоятельную оценку той или иной жизненной ситуации. При выборе, не связанном с обоснованием, решение отдается на волю случая. При этом человек будет вынужден говорить: “Выбирал не я”. Поэтому Тугендхат подчеркивает, что самоопределение должно совершаться в виде рационального воления.

Несомненная заслуга Тугендхата в том, что он выявил иррациональную природу самоопределения у Хайдеггера и показал возможность негативных практических последствий этой теории. Учитывая существенную недосказанность хайдеггеровской теории самоопределения (отсутствие понятий блага, разума, размышления), можно сделать вывод, что “хайдеггеровский нацизм не был случайностью”, но прямо следовал из его философии. Двусмысленная позиция, ко-

тору Хайдеггер занял в 1933 году, явилась результатом лишнего рациональности понятия истины и самоопределения. Так как понятие выбора лишено у Хайдеггера рационального основания, и последнее решение предоставлено некой не связанной с рассудком инстанции, то место этой инстанции при неблагоприятном стечении обстоятельств может занять и такая “высшая сила”, как, например, фюрер. Фюрер оказывается воплощением “события бытия”, которое “открывает народу непосредственную возможность наивысшего, свободного решения”.

Таким образом, хайдеггеровская “программа” выхода из общественного кризиса идентификации обернулась, с одной стороны, разработкой уникальной практической теории существования, представляющей несомненную ценность как для философии, так и для общества в целом, а с другой стороны – откровенным призывом голосовать за национал-фашизм, обоснованным возвышенной философской терминологией.

Можно по-разному относиться к “делу Хайдеггера”, но несомненным представляется одно. Перед нами тот случай, когда философ, ратуя за “духовные ценности” (так можно в наиболее общем виде обозначить призыв Хайдеггера “решиться” жить на грани выбора, найти “собственное я” и т. д.), напрочь забывает о том, что “мир” – это не только набор возможностей и ситуаций действия, но прежде всего – общество, функционирующее по моральным законам. Осуществить выбор означает не просто “прорваться” к подлинному существованию, к “трансцендентному”, но сообразовать его с нуждами сообщества, сделать выбор объективно обоснованным, т.е. значимым для каждого.

Приведенная критика хайдеггеровской философии ставит перед дилеммой: абстрактное “бытие”, “трансцендентное”, диктующее человеку его решения и направляющее его волю, или конкретное общество как взаимодействие равноправных интересов.

Здесь мало говорилось о понятии “бытия” у Хайдеггера. Но необходимо напомнить, что именно сообразованность с “изначальным бытием” выступает у Хайдеггера первым и последним критерием истинности. Истина трактуется философом не как мнение, противоположное неверной точке зрения, лжи, нечто, что еще надо постараться отличить от набора различных точек зрения. Не как положение, которое необходимо объективно обосновать, учитывая интересы всех групп сообщества. Истина, по Хайдеггеру, – это некая изначальная, “почвенническая” категория, это само “бытие сущего”, некий способ, которым существуют все вещи.

Не удивительно, что от этой концепции истины и сообразного с ней понятия самоопределения недалеко до таких категорий, как этноцентризм, “фатерланд”, “почва” и проч. От идеи необходимости рассматривать духовность человека неразрывно с “миром”, преодоления противопоставления субъекта объекту, “внутреннего” и “внешнего” Хайдеггер приходит, в сущности, к такому же противопоставлению. Только “внутренним”, “сокровенным” теперь оказы-

вается “бытие”, единый центр, вокруг которого должны сообразовываться все человеческие действия, а “внешними” — все проявления какого бы то ни было плюрализма, не соответствующего неизменной “истине бытия”.

Не случайно, что в политике сторонники Хайдеггера, как правило, выражено или скрыто занимают центристско-националистические позиции. У нас философия Хайдеггера, особенно в ее позднем исполнении, плавно наложилась на укорененное в русском сознании представление о сокровенной духовности, живущей в душе человека, не зависящей ни от каких проявлений внешнего “неистинного” мира. Эти идеи особенно созвучны понятию “отрешенности” у позднего Хайдеггера. Но отрешенность была бы хорошим делом, если бы она не становилась на место ответственности.

Сейчас риторикой особой русской духовности активно пользуются левые, коммунистическая партия и националисты. Обидно, что им удастся найти общий язык и с церковью и убедительно повлиять на сердца избирателей. Либерализм с его принципами актуального правового равенства, гарантией внешних реальных свобод, а не одной призрачной идеей “внутренней” свободы, жесткой конкурентной основой общественного построения и т. д., как правило, провозглашается злом, чем-то бездуховным, “прогнившим”. При этом, к сожалению, остается без внимания тот факт, что одно из основных стремлений демократического либерализма – построить общество с равной ответственностью всех граждан – является не менее “духовным” и не менее христианским устремлением, основанным на таких ценностях, как благо человека, забота о реальных жизненных нуждах.

Таким образом, от общих философских категорий мы пришли к конкретному разговору о настроениях современного общества. В этом контексте хотелось бы еще раз вспомнить предостережение Зонтхаймера, его упрек философии в причастности к вовлечению нации в тоталитарную идеологию. Этот упрек граничит с отрицанием возможности философии создать новый фундамент культуры вообще. Попытки философов преодолеть кризис путем обращения к внутренней сфере “духовного” зачастую ведут, считает он, к “форсированной антирелятивистской установке”, которая не в “состоянии содействовать естественному росту некой новой системы норм для культуры в целом”.

Вывод, созвучный мнению Зонтхаймера, делает также, рассматривая ситуацию общественного кризиса самоопределения, Ричард Рорти: в состоянии кризиса бессильными могут оказаться любые попытки философского новообоснования. Не претендуя на более общий вывод о целях и задачах философии в “смутное время”, можно, однако, утверждать одно: философия, являясь разъяснением понятий, берет на себя функцию предостережения.

Примечание

¹ Ситуацию общекультурного кризиса в Германии периода мировых войн и реакцию на него философов описывается в книге: Михайлов И. А. *Ранний Хайдеггер: Между феноменологией и философией жизни*. М., 1999.